Н. Я. Большунова, А. В. Спирин, А. Н. Померлян,
М. И. Федоришин, А. В. Андронов, А. Г. Чапоргин

Индивидуально-психологические особенности саморегуляции курсантов войск национальной гвардии России

Саморегуляция как способность управлять самим собой является одной из важнейших профессионально значимых черт личности будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации. Развитие саморегуляции предполагает наличие «регуляторного опыта», на основе которого может происходить формирование индивидуальных стилей саморегуляции, опирающихся на индивидуальные особенности личности.

Эмпирическая часть работы осуществлена на выборке из 99 курсантов военного вуза, опрошенных по методикам, направленным на изучение саморегуляции и индивидуально-психологических особенностей личности. Статистический анализ осуществлялся с применением кластерного анализа, Н-критерия Краскала-Уоллиса и U-критерия Манна-Уитни.

Получены статистически значимые различия по психологическому благополучию ($H=15,044$ $p=0,001$), уровню субъективного контроля ($H=6,966$ $p=0,031$), толерантности к неопределенности в группах курсантов с высоким ($H=6,003$ $p=0,050$), низким и средним уровнями саморегуляции, выделенных посредством кластерного анализа.

На основе полученных данных сделан вывод о том, что саморегуляция курсантов характеризуется ограниченной вариативностью ее стилей, что может быть обусловлено недостаточной индивидуализацией процесса обучения в условиях военного образования. Полученные результаты свидетельствуют о том, что удовлетворенность собой и обстоятельствами своей жизни, переживание благополучия может обуславливать отсутствие мотивации к саморазвитию и совершенствованию саморегуляции. Перспективой исследования будет являться изучение развития уровня саморегуляции с опорой на индивидуально-психологические особенности личности.

Ключевые слова: саморегуляция, уровень развития саморегуляции, индивидуальные особенности саморегуляции, индивидуальные особенности личности, толерантность к неопределенности, военное образование, военно-профессиональная деятельность

Ссылка для цитирования:

Большунова Н. Я., Спирин А. В., Померлян А. Н., Федоришин М. И., Андронов А. В., Чапоргин А. Г. Индивидуально-психологические особенности саморегуляции курсантов войск национальной гвардии России // Перспективы науки и образования. 2020. № 3 (45). С. 336-349. doi: 10.32744/pse.2020.3.25

N. I. BOLSHUNOVA, A. V. SPIRIN, A. N. POMERLYAN,
M. I. FEDORYSHYN, A. V. ANDRONOV, A. G. CHAPORGIN

Individual psychological features of self-regulation cadets of the Russian national guard

Self-regulation as the ability to control oneself is one of the most important professionally significant personality traits of future officers of the national guard of the Russian Federation. The development of self-regulation presupposes the presence of «regulatory experience», on the basis of which the formation of individual styles of self-regulation based on individual personality traits can take place.

The empirical part of the work was carried out on a sample of 99 cadets of a military university, interviewed by methods aimed at studying self-regulation and individual psychological characteristics of a person. Statistical analysis was performed using cluster analysis, Kruskal-Wallis H-test and Mann-Whitney U-test.

Statistically significant differences were obtained in terms of psychological well-being $H = 15.044$ $p = 0.001$), the level of subjective control ($H=6.966$ $p=0.031$), tolerance to uncertainty in groups of cadets with high ($H=6.003$ $p=0.050$), low and medium levels of self-regulation, isolated through cluster analysis.

Based on the data obtained, it was concluded that the self-regulation of cadets is characterized by a limited variability of its styles, which may be due to insufficient individualization of the learning process in a military education. The results obtained indicate that satisfaction with oneself and the circumstances of one's life, an experience of well-being can lead to a lack of motivation for self-development and improvement of self-regulation. The prospect of the study will be the study of the development of the level of self-regulation based on the individual psychological characteristics of the individual.

Key words: self-regulation, level of self-regulation development, individual features of self-regulation, individual features of personality, tolerance to uncertainty, military education, military professional activity

For Reference:

Bolshunova, N. I., Spirin, A. V., Pomerlyan, A. N., Fedoryshyn, M. I., Andronov, A. V., & Chaporgin, A. G. (2020). Individual psychological features of self-regulation cadets of the Russian national guard. *Perspektivy nauki i obrazovania – Perspectives of Science and Education*, 45 (3), 336-349. doi: 10.32744/pse.2020.3.25

Введение

Военную профессию отличает высокий уровень риска и готовность к действию в ситуациях неопределенности. И если неопределенность, как указывают психологи [1; 2], является одним из определяющих вызовов современного мира в целом (нестабильность будущего, взрывное развитие технологий, аксиологическая неопределенность, мобильность, полифоничность социальной среды и пр.), то в профессии военнослужащего вызов неопределенности является особенно очевидным. Задачи, к решению которых должен быть готов военнослужащий национальной гвардии (борьба с терроризмом и экстремизмом, обеспечение общественной безопасности, охрана важных государственных объектов, участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения и т.д.¹), требуют выраженной способности и готовности к принятию необходимых решений в любой сложной и неопределенной ситуации [3; 4].

Саморегуляция как способность управлять самим собой является одной из важнейших профессионально значимых черт личности будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации. Именно способность к саморегуляции может сыграть решающую роль в принятии эффективных решений и выборе способа действия в экстремальной, нестандартной обстановке, обеспечить готовность к выполнению сложных служебно-боевых задач [5-7]. В то же время особенности обучения в военном вузе (существенное изменение привычного уклада, внешняя регламентация и контроль учебной деятельности и основных сторон повседневной жизни, гендерная однородность общения, необходимость строго следовать дисциплинарным требованиям) могут затруднять ее развитие.

Способность эффективно действовать в экстремальной ситуации соотносима с такой чертой личности как толерантность к неопределенности, т.е. высокий уровень саморегуляции в сложной обстановке предполагает как минимум способность не избегать ее, не упрощать, но отвечать на такие ситуации ответственными и эффективными действиями [8].

Специфика профессиональной деятельности военнослужащего такова, что, с одной стороны, он должен находиться в постоянной боевой готовности и уметь самостоятельно принимать ответственные решения в нестандартных ситуациях, что востребует высокого уровня субъектной саморегуляции и активности. С другой, его повседневная жизнедеятельность строго регламентирована различными нормативно-правовыми актами, требованиями субординации, Уставом, что может ограничивать возможности развития самостоятельности, саморегуляции, формирования ее индивидуального стиля, соответствующего индивидуальным особенностям, в том числе толерантности к неопределенности [5; 9; 10]. Учебная деятельность и жизнь курсантов военных вузов в силу жесткой детерминированности требованиями дисциплины и установленного порядка, формализации обучения ограничивает опыт принятия самостоятельных решений, планирования и целеполагания. Развитие же саморегуляции предполагает наличие «регуляторного опыта», который выступает как «условие возникновения, развития и совершенствования осознанной саморегуляции активности», «активности и самостоятельности в действиях и поступках» [11, с.13]. В таком опыте может происходить формирование индивидуальных стилей саморегуляции, опирающихся на ин-

1 Федеральный закон от 3 июля 2016 г. N 226-ФЗ "О войсках национальной гвардии Российской Федерации"

дивидуальные особенности личности [12]. Однако возможности реализации субъектного опыта саморегуляции ограничены вследствие специфики организации обучения курсантов и деятельности военнослужащих.

Таким образом, актуализирована необходимость исследования специфики формирования саморегуляции у курсантов военных вузов и разработки программ, ориентированных на ее развитие не только на основе учета общих закономерностей, но и индивидуальных особенностей, что позволит курсантам опираться на индивидуальные ресурсы, обуславливающие развитие субъектной саморегуляции.

Развитая саморегуляция предполагает способность человека к организации собственной активности (мобилизация, выбор направления и уровень прилагаемых усилий) с учетом ситуации и действий других людей [13; 14]. Среди многочисленных исследований саморегуляции (и самоэффективности) в контексте настоящей работы представляют интерес предложенная О.А. Конопкиным модель функциональной структуры процессов саморегуляции, включающая «принятую субъектом цель деятельности», «субъективную модель значимых условий», «программу исполнительских действий», «систему субъективных критериев достижения цели», «контроль и оценку реальных результатов» и «решения о коррекции системы саморегулирования [15, с. 9], разработанная с опорой на эту модель методика диагностики саморегуляции человека [16], исследования позитивной роли регуляторного опыта в развитии осознанной саморегуляции активности человека, который включает ценностный опыт, опыт рефлексии, сотрудничества, операциональный и «привычной активизации» (использования своего потенциала) [11]. Выявлено также, что осознание проблем и обучение эффективным стратегиям позитивно связаны у военнослужащих с умением справляться с проблемными ситуациями [6; 7], в исследованиях обнаружена взаимосвязь непроизвольной и произвольной саморегуляции с такими индивидуальными особенностями, как художественный и мыслительный типы деятельности [17]. Выявлены взаимосвязи различных параметров саморегуляции и ее индивидуального стиля с мотивационно-потребностной и эмоциональной сферой личности [18; 19], значение духовных переживаний и убеждений военнослужащих для саморегуляции и ее нарушений [20]. Успешность саморегуляции и ее стили связаны с ценностными ориентациями личности [5; 21], самостоятельностью и рядом компонентов регуляторного опыта [16; 22], функциональным профилем межполушарной асимметрии [17; 22], выявлены ее связи с такими проявлениями, как ответственность [23], агрессия [24], этнические характеристики [25], рефлексия [26] и др.

Наши исследования, проводимые на курсантах военного института войск национальной гвардии, также показали наличие взаимосвязи различных параметров саморегуляции с предпочитаемыми ценностями, уровнем рефлексивности, волевыми качествами личности, специально человеческими типами деятельности и пр. [27]. Причем в качестве положительных факторов развития саморегуляции и ее составляющих, выявленных на основе регрессионного анализа, выступают волевые качества личности (самостоятельность, ответственность, целеустремленность); значимость для личности ценностей семьи и материальной обеспеченности; а также контроль как показатель жизнестойкости, интернальность в семейных отношениях, левополушарность (аналитичность, произвольность и осознанность поведения). В то же время обнаружено также негативное влияние на саморегуляцию инициативности (волевое качество личности); рефлексивности; значимости ценностей творчества,

отдыха, служения [28]. Противоречивый характер факторов саморегуляции, полученных на выборке курсантов, рассматривается нами как свидетельство недостаточной сформированности индивидуальной вариативности стилей саморегуляции. Например, при достаточно низких у курсантов средних значениях рефлексивности (средне-низкие в соответствии с нормативными значениями методики А.В. Карпова) можно было бы ожидать, что ее более высокие показатели обусловят и более сформированную саморегуляцию; ценность служения как профессионально значимая для военнослужащих должна была бы актуализировать развитие саморегуляции как важнейшего свойства их личности, однако нами получены в этом отношении обратные зависимости [5].

Эти данные, с одной стороны, означают, что саморегуляция, так же как способ ее освоения, индивидуально специфичны и взаимосвязаны с комплексом индивидуальных особенностей личности. Субъект должен пройти «свой» путь владения собой, освоения способов преодоления трудностей и препятствий, самодетерминации, учитывая свои возможности и индивидуальные особенности. С другой стороны, противоречивость полученных нами данных свидетельствует о том, что курсанты не реализуют свой индивидуальный путь развития саморегуляции, что обуславливает необходимость более полного выявления взаимосвязей между ее индивидуальными вариантами и индивидуальными особенностями личности

Важно учитывать, что, согласно исследованиям В.И. Моросановой, сформированность гармоничных индивидуальных стилей саморегуляции связана с успешностью такой учебной и профессиональной деятельности [19], в которой субъект имеет возможность реализовать свой потенциал. Понимание особенностей саморегуляции курсантов военных вузов и ее связи с индивидуальными особенностями личности может помочь в разработке и реализации программ индивидуализации подготовки курсантов с учетом специфики обучения и деятельности военнослужащих.

Материалы и методы

Теоретический анализ и предварительные эмпирические исследования обусловили выбор диагностических методик.

Для диагностики индивидуальных вариантов саморегуляции применялся опросник «Стиль саморегуляции поведения» (Моросанова В.И.).

Для выявления индивидуальных особенностей личности использовались:

- методика диагностики уровня субъективного контроля – УСК (Дж. Роттер);
- шкала психологического благополучия (К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко);
- диагностика толерантности к неопределенности (Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Луковичкая Е.Г.).

Эмпирическая выборка включала 99 курсантов 3 курса войск национальной гвардии Российской Федерации в возрасте от 19 до 21 года. военного института ВНГ.

Статистический анализ осуществлялся с применением кластерного анализа, Н-критерия Краскала-Уоллиса и U-критерия Манна-Уитни. Основная цель работы – выявление индивидуально-психологических характеристик личности у курсантов, различающихся по индивидуальным особенностям саморегуляции.

Результаты исследования

На основе данных методики «Стиль саморегуляции поведения» с помощью кластерного анализа (иерархическая кластеризация по признаку «Стиль саморегуляции поведения» – метод внутригрупповой связи, интервальная мера – квадрат расстояния Евклида) были выделены 3 группы курсантов: с высоким уровнем саморегуляции (14% – 14 испытуемых – группа 1), средним (55% – 55 человек – группа 2) и низким уровнем (30%, соответственно 30 курсантов – группа 3).

Для сравнительного анализа полученных результатов в группах с высокой, средней и низкой саморегуляцией был применен h-критерий Краскала-Уоллиса. Значимые различия в значениях исследуемого признака зафиксированы в 16 из 58 случаев на 1% и 5% уровне значимости. Значимые различия представлены в таблице 1 и диаграммах (см. рис. 1-4).

Таблица 1

Статистически значимые различия индивидуально-психологических особенностей в группах с высокой, средней и низкой саморегуляцией

Методика	Шкалы методики	H-критерий Краскала-Уоллиса	Знач. (2-х сторонняя)
Опросник «Стиль саморегуляции поведения», В.И. Моросанова	Планирование	53,780	0,000
	Моделирование	51,538	0,000
	Программирование	59,738	0,000
	Оценивание результатов	50,213	0,000
	Гибкость	61,018	0,000
	Общий уровень саморегуляции	79,044	0,000
Опросник «Уровень субъективного контроля» (Дж. Роттер)	Интернальность в области достижений	6,003	0,050
Шкала психологического благополучия (К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко)	Управление средой	9,544	0,008
	Личностный рост	7,061	0,029
	Баланс аффекта	14,990	0,001
	Осмысленность жизни	17,350	0,000
	Человек как открытая система	16,385	0,000
	Психологическое благополучие	15,044	0,001
Диагностика толерантности к неопределенности (Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Луковицкая Е.Г.)	Общий показатель ТН	6,966	0,031
	Отношение к сложным задачам	9,522	0,009
	Отношение к определенным ситуациям	8,137	0,017

Различия между группами (см. рис. 1) являются значимыми в отношении общего уровня саморегуляции. Средние значения в группах с учетом нормативных параметров уровней саморегуляции в группе 3 соответствуют средне-низким значениям (25 баллов), в группе 2 и 1 высоким показателям (35 б и 42 б соответственно) [16]. По шкалам «Планирование» и «Гибкость» наблюдаются аналогичные отношения: 4,6 б – 7,7 б – 7,9 б и 5,9 б – 7,2 б – 9 б соответственно. По шкалам «Моделирование» и «Оценка результатов» группа с низким уровнем саморегуляции показывает нормативно низкие

результаты (3,9 б; 3.6 б), курсанты группы 2 обнаруживают нормативно средние значения (7 б и 5,9 б), группа 1 – нормативно высокие (7,9 б и 9 б).

Таким образом, группы со средним и высоким уровнем саморегуляции более всего различаются по шкалам «Моделирование» (способность учитывать важные внешние и внутренние условия деятельности) и «Оценивание результатов» (сформированность субъективных критериев оценки результатов своей деятельности, степень согласованности их с целью, причины рассогласованности с учетом изменившихся условий). Эти данные могут свидетельствовать о том, что основные проблемы испытуемых со средним уровнем саморегуляции связаны с неумением учитывать внешние и внутренние условия деятельности, в частности, соотносить свои индивидуальные особенности с требованиями ситуации, адекватно оценивать и использовать внутренние ресурсы.

Рисунок 1 Значимые различия индивидуальных профилей саморегуляции в группах высокой, средней и низкой саморегуляции (h-критерий Краскала-Уоллиса)

Такого рода проблемы могут возникать в том случае, если стиль саморегуляции «навязан» человеку внешними обстоятельствами, в нашем случае жесткими нормативными требованиями к организации обучения и повседневной жизни курсантов.

Описанные данные получают косвенное подтверждение при анализе результатов методики УСК (см. рис. 2). Попарные сравнения интернальности в области достижений показали, что группы курсантов, имеющих высокий и средний уровень саморегуляции статистически значимо отличаются от респондентов с низким уровнем саморегуляции ($U=1,50$ при $p=0,0018$). Это означает, что респонденты, имеющие высокий и средний уровень саморегуляции способны примерно в равной мере осуществлять целеполагание, прикладывать усилия к достижению успеха, чувствуя себя «хозяином собственной судьбы» [29] (данные соотносимы со шкалой «Планирование» в методике «Стиль саморегуляции поведения»).

Рисунок 2 Значимые различия параметров методики УСК в группах высокой, средней и низкой саморегуляции (h-критерий Краскала-Уоллиса)

Среди семи типичных профилей саморегуляции, описанных автором методики «Стиль саморегуляции поведения» [30], в обобщенном виде в данной выборке представлены только первый и пятый. Профиль № 1 характерен для курсантов с низким уровнем саморегуляции (группа 3), профиль № 5 – для курсантов с высоким уровнем саморегуляции (группа 1). В группе со средним уровнем саморегуляции типичный профиль не обнаружен. Типичный профиль № 1 при низком уровне саморегуляции, согласно интерпретации автора методики, встречается у людей тревожных, чувствительных, эмоциональных, импульсивных и зависимых от внешних обстоятельств, однако способных к адаптации и целеполаганию при поддержке окружающих. Для лиц с профилем № 5 (при высоком уровне саморегуляции) свойственна способность к четкой постановке целей, тщательное осознанное планирование их достижения, общая организованность, энергичность, гибкость, оперативность и адаптивность, интерес к решению конкретных задач, дружелюбие и стремление к лидерству и самосовершенствованию.

Таким образом, выявлен только один наиболее благоприятный, свойственный курсантам, профиль саморегуляции. Возможно, это обусловлено достаточно строгим и целенаправленным отбором при поступлении в вуз и особенностями организации обучения и повседневной жизни курсантов, ограничивающими индивидуальную вариативность стилей саморегуляции.

В отношении данных методики «Шкала психологического благополучия» (Рис. 3) практически по всем шкалам во всех трех группах наблюдаются нормативно низкие значения. Причем, наиболее близким к нормативно среднему является общий показатель психологического благополучия группы 3 (низкий уровень саморегуляции), который значимо отличается от соответствующего показателя групп курсантов с высоким и средним уровнем саморегуляции ($U=9,00$ при $p=0,018$). В целом переживание психологического благополучия значимо более выражено у курсантов третьей группы. Представляют интерес данные по шкале «Баланс аффекта». ($U=8,00$, при $p=0,007$). Интерпретируя эти данные необходимо учитывать, что здесь высокие показатели свидетельствуют о неудовлетворенности своей жизнью, негативной самооценке, низкие – отражают положительную самооценку, уверенность в себе и своих возможностях. По этому параметру более уверены в себе и удовлетворены своей жизнью курсанты с низким уровнем саморегуляции (группа 3).

Обнаружена также близость основных показателей у курсантов со средним и высоким уровнем саморегуляции. Они относительно в равной мере способны контролировать ситуацию и управлять внешними обстоятельствами для достижения целей (шкала «Управление средой»), способны к саморазвитию (шкала «Личностный рост»), способны рассматривать свою жизнь как осмысленную и целенаправленную (шкала «Осмысленность жизни»), открыты новому опыту, реалистичны и целостны (шкала «Открытость новому опыту»).

Рисунок 3 Значимые различия параметров по методике "Шкала психологического благополучия" в группах высокой, средней и низкой саморегуляции (h-критерий Краскала-Уоллиса)

Эти данные, с одной стороны, подтверждают, что образовательная среда военного вуза, отличающаяся чрезмерной нормативностью требований и не предполагающая индивидуальный подход, порождает у курсантов переживание психологического неблагополучия. Возможно, достаточно высокий уровень саморегуляции у большинства из них отражает стремление адаптироваться к этим требованиям посредством развития саморегуляции. С другой стороны, относительно более высокий уровень переживания психологического благополучия у курсантов группы 3 (низкий уровень саморегуляции), проявляющийся как удовлетворенность собой и обстоятельствами своей жизни, обуславливает отсутствие мотивации к саморазвитию, к целеполаганию и планированию, т.е. они не склонны брать на себя ответственность за обстоятельства своей жизни, что-либо изменять в ней.

Данные по параметрам методики толерантности к неопределенности по всем группам входят в границы средних нормативных значений. Анализ различий между группами (см. рис. 4), свидетельствует, что общая толерантность к неопределенности более выражена у курсантов с высоким и средним уровнем саморегуляции (первая и вторая группы). Для курсантов третьей группы характерна относительно более низкая общая толерантность ($U = 3,50$ при $p = 0,002$), включая отношение к сложным задачам ($U = 0,00$ при $p = 0,000$), и неопределенным ситуациям (средне-низкие нормативные значения) ($U = 2,00$ при $p = 0,001$).

Рисунок 4 Значимые различия параметров методики «Диагностика толерантности к неопределенности» в группах высокой, средней и низкой саморегуляции (h-критерий Краскала-Уоллиса)

Примечание: О – общая толерантность к неопределенности; ОКЗС – отношение к сложным задачам; ОКНС – отношение к неопределенным ситуациям.

Категория толерантности к неопределенности в психологии связана с отношением человека к риску, к выбору и принятию решений, саморазвитию [31]. Интолерантность к неопределенности определяется в самом общем виде как стремление упростить картину реальности [32], что, по-видимому, отражается на состоянии саморегуляции: простая, предсказуемая картина мира не требует от человека усилий, направленных на целеполагание, преодоление трудностей, принятие ответственных самостоятельных решений. В исследованиях обнаружено, например, что толерантность к неопределенности связана с большей успешностью военных руководителей [31] и лидерством в «динамичной глобальной среде» [33]. В то же время, выявлено, что характер влияния толерантности к неопределенности на психологическую адаптацию военнослужащих различен при разных условиях несения службы. Высокий уровень толерантности к неопределенности связан с психической устойчивостью и профессиональной надежностью в условиях стрессовых нагрузок, однако в мирное время может провоцировать эмоциональное выгорание и неудовлетворенность собой. В то время как для лиц с низкими значениями толерантности к неопределенности характерна профессиональная надежность и психическая устойчивость при выполнении служебных задач в мирное время [34].

Настораживает, что таких курсантов, у которых наблюдается сочетание низкого уровня саморегуляции, относительно низкой толерантности к неопределенности и в то же время, относительно более выраженное переживание благополучия при низком уровне осмысленности жизни, стремления к личностному росту и саморазвитию, в нашей выборке почти треть (30%). Именно эти внешне благополучные курсанты могут оказаться ненадежными в чрезвычайных обстоятельствах.

По-видимому, программы развития саморегуляции, учитывающие индивидуальные особенности и готовящие курсантов к адекватным действиям в ситуациях неопределенности, необходимо разрабатывать, прежде всего, для этой группы курсантов. Так, согласно данным Sarah Overdale и Dianne Gardner [35], специально организованные тренировки, социальная поддержка военнослужащих при их подготовке к сложным ситуациям, в том числе внешняя со стороны инструкторов, снижает трудности адаптации и способствует достижению успеха в преодолении трудностей.

Заключение

Полученные нами результаты выявили ряд слабых звеньев в особенностях саморегуляции курсантов военного вуза, на которые необходимо обратить внимание в образовательном процессе. Безусловно, дисциплина, субординация, следование Уставу являются необходимыми условиями существования любой боеспособной армии, однако чрезмерная регламентация всех сторон деятельности курсантов без учета их индивидуальных особенностей уже на этапе обучения может обуславливать снижение мотивации к саморазвитию, необоснованное переживание благополучия, интолерантность к неопределенности, препятствуя развитию субъектной саморегуляции, и привести к риску неадекватного поведения в сложных служебно-боевых условиях.

Результаты исследования свидетельствуют о необходимости усиления индивидуализации процесса обучения, создания условий для формирования индивидуально специфичного регуляторного опыта и разработки специальных программ, ориентированных на развитие индивидуальных стилей саморегуляции, учитывающих индивидуальные особенности личности курсантов и специфику военной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С.1.
2. Леонтьев Д. А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 2.
3. Караяни А. Г., Волобуева Ю. М. Военная психология как область специального научного знания и практики // Вестник московского университета. С. 14. Психология. 2007. № 4. С. 20–33.
4. Zinchenko Yu. P., Veraksa A. N., Leonov S. V. Methodological Foundations of Military Psychology and Psychological Security. Psychology in Russia: State of the Art, 2011, 4, 53-61.
5. Большунова Н. Я., Федоришин М. И. Индивидуально-психологические особенности личности как факторы саморегуляции курсантов // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2018. № 4 [46]. С. 105–114 DOI: 10.25146/1995-0861-2018-46-4-95
6. Bоеа О., Hагена К. Using Mindfulness to Reduce the Perception of Stress During an Acute Stressful Situation // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2015. 197, pp. 858–868 DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.07.262
7. Büssing, A., Walach, H., Kohls, N. et al. Conscious Presence and Self Control as a measure of situational awareness in soldiers – A validation study. Int J Ment Health Syst, 2013, 7, 1. DOI: 10.1186/1752-4458-7-1
8. Рогачев В.А., Коноплева И.Н. Толерантность к неопределенности и выбор копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов // Психология и право. 2017. Том. 7, № 4. С. 106–126 DOI: 10.17759/psylaw.2017070409
9. Большунова Н. Я., Алещенко М. В., Дисциплинированность – важнейшее качество личности военнослужащих войск национальной гвардии Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: в 2-х ч. / Под общ. ред. С.А. Куценко: сб. науч. ст. межвузовской науч.-практ. конф. с международным участием. Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2017. С. 133–137.
10. Большунова Н. Я., Оспенников С. В. Значение ценностно-смысловой сферы личности в актуализации личностного роста офицера внутренних войск МВД России // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 4. С. 136–142. DOI: 10.15293/1813-4718

11. Осницкий А. К. Регуляторный опыт – основа субъектной активности человека // Теоретическая и экспериментальная психология. 2008, Т. 1. № 2. С. 17–34.
12. Bergman D. "The Greatest Teacher, Failure Is": Handling Failure in Military Parachute Training," *Journal of Human Performance in Extreme Environments*, 2019, vol. 15, iss. 1, Article 6. DOI: 10.7771/2327-2937.1125.
13. Абульханова-Славская Личностные механизмы регуляции деятельности // Проблемы психологии личности. М.: Наука, 1982. С. 92–98.
14. Сергиенко Е. А. Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. № 5(7).
15. Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.
16. Моросанова В. И., Бондаренко И. Н. Диагностика саморегуляции человека. М: Когито-Центр, 2015. 304 с.
17. Голубева Э. А. Способности. Личность. Индивидуальность. Дубна: «Феликс», 2005. 512 с
18. Кузнецова Л. Э., Элпис Н. В. Индивидуально-стилевые особенности саморегуляции учебной деятельности и личность студента: теоретический анализ проблемы // Молодой ученый. 2015. № 9. С. 1261–1263.
19. Моросанова В. И. Коноз Е. М. Стилевая саморегуляция поведения человека // Вопросы психологии, 2000. № 2. С. 188–127.
20. Brémault-Phillips S, Pike A, Scarcella F, Cherwick T. Spirituality and Moral Injury Among Military Personnel: A Mini-Review. // *Frontiers in Psychiatry*, 29 Apr 2019, 10:276. DOI: 10.3389/fpsy.2019.00276.
21. Леонтьев Д.А. Духовность, саморегуляция, ценности // Гуманитарные проблемы современной психологии (Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета). 2005. № 7. С. 16–21.
22. Осницкий А. К., Корнеева С. А. Проблема индивидуальных различий в процессах саморегуляции / Международная юбилейная конференция "Б.М. Теплов и современное состояние дифференциальной психологии и дифференциальной психофизиологии: к 120-летию со дня рождения Б.М. Теплова" / Под редакцией М.К. Кабардова, А.К. Осницкого. М.:Издательство «Перо», 2017. С. 360–366.
23. Синькевич А. А., Ивтутина Е. П. Взаимосвязь ответственности и саморегуляции поведения в юношеском возрасте // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 32. С. 172–181.
24. Банщикова Т. Н. Осознанная саморегуляция – психологический ресурс управления агрессией // Фундаментальные исследования. 2014. № 9-10. С. 2322–2326.
25. Банщикова Т. Н., Фомина Е. А., Моросанова В. И. Кросскультурный подход к исследованию регуляторно-личностных предикторов агрессии // Психологическая наука и образование. 2017. Том 22. № 6. С. 87–98. DOI: 10.17759/pse.2017220608.
26. Карпов А. В. Рефлексивность как детерминанта стилей принятия решений в управленческой деятельности // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки» 2017. № 4. С. 82 – 87.
27. Федоришин М.И. Большунова Н.Я. Связь саморегуляции с индивидуальными особенностями личности курсантов военных образовательных организаций ВНГ РФ // Сборник научных статей всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Человек и вызовы современного мира: диалог научных школ психологии». Новокузнецк: Издательство НФИ ФГБОУ ВО «КемГУ», 2018. С. 46–56.
28. Федоришин М. И., Большунова Н. Я., Путкалюк В. В. Индивидуальные особенности курсантов с разным уровнем саморегуляции // Ярославский психологический вестник. 2019. № 3 (47). С. 68–78.
29. Горская Н. Е., Глызина В. Е. Субъективный контроль (УСК) в области профессиональной деятельности как одна из фундаментальных потребностей личности // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2016. С. 129–132.
30. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как психологический ресурс достижения учебных и профессиональных целей // Педагогика. 2016. № 10. С. 13–24.
31. Краснов Е. В., Корнилова Т. В. Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности как предикторы результативности деятельности военных руководителей // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2016. Вып. 3. С. 28–43.
32. Талей Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Колибри, 2019. 736 с.
33. Lane M. S., & Klenke K. The ambiguity tolerance interface: A modified social cognitive model for leading under uncertainty. *Journal of Leadership & Organizational Studies*, 2004, 10(3), 69–81. DOI: 10.1177/107179190401000306.
34. Ковалева М. Е., Булыгина В. Г., Носс И. Н., Кабанова Т. Н. Влияние толерантности к неопределенности на психическую адаптацию военнослужащих // Экспериментальная психология. 2019. Том 12. № 2. С. 145–161. doi: 10.17759/exppsy.2019120211.
35. Overdale S., Gardner D. Social Support and Coping Adaptability in Initial Military Training // *Military Psychology*. 2012. 24(3). 312–330. DOI: 10.1080/08995605.2012.678243.

REFERENCES

1. Asmolov A.G. Modern Psychology: Challenges of Uncertainty, Complexity and Diversity. *Psychological Research*, 2015, vol. 8, no. 40. p.1. (in Russ.)
2. Leontyev D.A. Challenge of uncertainty as a central problem of personality psychology. *Psychological research*, 2015, vol. 8, no. 40, p. 2. (in Russ.)
3. Karayani A.G., Volobueva Yu.M. Military psychology as an area of special scientific knowledge and practice. *Moscow University Physics Bulletin. Series 14. Psychology*, 2007, no. 4, pp. 20–33. (in Russ.)
4. Zinchenko Yu. P., Veraksa A. N., Leonov S. V. Methodological Foundations of Military Psychology and Psychological

- Security. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2011, no. 4, pp. 53-61.
5. Bolshunova N. Ya., Fedorishin M.I. Individual-psychological characteristics of personality as factors of self-regulation of cadets. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev*, 2018, no. 4 (46), pp. 105–114. DOI: 10.25146/1995-0861-2018-46-4-95
 6. Boea O., Hagena K. Using Mindfulness to Reduce the Perception of Stress During an Acute Stressful Situation. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 197, pp. 858–868. DOI: 10.1016 / j.sbspro.2015.07.07.262
 7. Büssing, A., Walach, H., Kohls, N. et al. Conscious Presence and Self Control as a measure of situational awareness in soldiers - A validation study. *Int J Ment Health Syst*, 2013, vol. 7, no. 1. DOI: 10.1186/1752-4458-7-1
 8. Rogachev V.A., Konopleva I.N. Tolerance to uncertainty and the choice of coping strategies for law enforcement officers. *Psychology and Law*, 2017, vol. 7, no. 4, pp. 106–126. DOI: 10.17759/psylaw.2017070409
 9. Bolshunova N. Ya., Aleschenko M.V. Discipline – the most important quality of personality of servicemen of the national guard forces. *Directions and prospects for the development of education in military institutes of the national guard forces of the Russian Federation: in 2 hours / Under the general. ed. S.A. Kutsenko: Sat scientific art. interuniversity scientific and practical. conf. with international participation*. Novosibirsk, Novosibirsk Military Institute named after Army General I.K. Yakovlev troops of the National Guard of the Russian Federation, 2017, pp. 133–137. (in Russ.)
 10. Bolshunova N. Ya., Ospennikov S.V. The value of the value-semantic sphere of personality in actualizing the personal growth of an officer of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Siberian Pedagogical Journal*, 2015, no. 4, pp. 136–142. DOI: 10.15293/1813-4718
 11. Osnitsky A.K. Regulatory experience – the basis of human subjective activity. *Theoretical and Experimental Psychology*, 2008, vol. 1, no. 2, pp. 17–34.
 12. Bergman D. "'The Greatest Teacher, Failure Is'": Handling Failure in Military Parachute Training," *Journal of Human Performance in Extreme Environments*, 2019, vol. 15, iss. 1. DOI: 10.7771/2327-2937.1125.
 13. Abulkhanova-Slavskaya K. A. Personal mechanisms of activity regulation / Problems of personality psychology. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 92-98. (in Russ.)
 14. Sergienko E. A. Behavior control: individual resources of subjective regulation. *Psychological research*, 2009, no. 5 (7). (in Russ.)
 15. Konopkin O.A. Mental self-regulation of arbitrary human activity (structural and functional aspect). *Voprosy psikhologii*, 1995, no. 1, pp. 5–12. (in Russ.)
 16. Morosanova V.I., Bondarenko I.N. Diagnostics of human self-regulation. Moscow, Kogito-Center Publ., 2015. 304 p.
 17. Golubeva E. A. Abilities. Personality. Individuality. Dubna, Felix + Publ., 2005. 512 p. (in Russ.)
 18. Kuznetsova L.E., Elpis N.V. Individual-style features of self-regulation of educational activity and student personality: theoretical analysis of the problem. *Young Scientist*, 2015, no. 9, pp. 1261-1263. (in Russ.)
 19. Morosanova V. I. Kono, E. M. Style-based self-regulation of human behavior. *Voprosy psikhologii*, 2000, no. 2, pp. 188–127. (in Russ.)
 20. Brémault-Phillips S, Pike A, Scarcella F, Cherwick T. Spirituality and Moral Injury Among Military Personnel: A Mini-Review. *Frontiers in Psychiatry*, 2019, vol. 10, p. 276. DOI: 10.3389/fpsyt.2019.00276.
 21. Leontiev D.A. Spirituality, self-regulation, values. *Humanitarian problems of modern psychology (Bulletin of the Taganrog State Radio Engineering University)*, 2005, no. 7, pp. 16–21. (in Russ.)
 22. Osnitsky A. K., Korneeva S. A. The problem of individual differences in the processes of self-regulation / International anniversary conference "B. M. Teplov and the current state of differential psychology and differential psychophysiology: to the 120th birthday of B. M. Teplov" / Edited by M.K. Kabardova, A.K. Osnitsky. Moscow, Publishing House "Perot", 2017. pp. 360-366. (in Russ.)
 23. Sinkevich A. A., Ivutina E. P. The relationship of responsibility and self-regulation of behavior in adolescence. *Concept*, 2016, vol. 32, pp. 172–181. (in Russ.)
 24. Bانشchikova T. N. Conscious self-regulation - a psychological resource for controlling aggression. *Fundamental Research*, 2014, no. 9-10, pp. 2322-2326. (in Russ.)
 25. Bانشchikova T. N., Fomina E. A., Morosanova V. I. Cross-cultural approach to the study of regulatory and personal predictors of aggression. *Psychological Science and Education*, 2017, vol. 22, no. 6, pp. 87–98. DOI: 10.17759/ps.2017220608. (in Russ.)
 26. Karpov A.V. Reflexivity as a determinant of decision-making styles in managerial activities. *Bulletin of Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. Series "Humanities"*, 2017, no. 4, pp. 82-87. (in Russ.)
 27. Fedorishin M.I. Bolshunova N.Ya. The relationship of self-regulation with individual personality characteristics of cadets of military educational organizations of the VNG of the Russian Federation. *Collection of scientific articles of the All-Russian scientific-practical conference with international participation "Man and the challenges of the modern world: dialogue of scientific schools of psychology."* Novokuznetsk, Publishing house of the NFI Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "KemGu", 2018, pp. 46-56. (in Russ.)
 28. Fedorishin M.I., Bolshunova N.Ya., Putkalyuk V.V. Individual characteristics of cadets with different levels of self-regulation. *Yaroslavl Psychological Bulletin*, 2019, no. 3 (47), pp. 68-78. (in Russ.)
 29. Gorskaya N. E., Glyzina V. E. Subjective control (USK) in the field of professional activity as one of the fundamental needs of a person. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University*, 2016, pp. 129-132. (in Russ.)
 30. Morosanova V.I. Conscious self-regulation as a psychological resource for achieving educational and professional goals. *Pedagogy*, 2016, no. 10, pp. 13-24. (in Russ.)
 31. Krasnov E.V., Kornilova T.V. Emotional intelligence and tolerance to uncertainty as predictors of the performance of

- military leaders. *Bulletin of St. Petersburg State University*, 2016, no. 3, pp. 28-43. (in Russ.)
32. Taleb N.N. Black Swan. Under the sign of unpredictability. Moscow, Kolibri Publ., 2019. 736 p. (in Russ.)
33. Lane M.S., Klenke K. The ambiguity tolerance interface: A modified social cognitive model for leading under uncertainty. *Journal of Leadership & Organizational Studies*, 2014, vol. 10 (3), pp. 69–81. DOI: 10.1177/107179190401000306.
34. Kovaleva M.E., Bulygina V.G., Noss I.N., Kabanova T.N. Influence of tolerance on uncertainty on the mental adaptation of military personnel. *Experimental Psychology*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 145–161. doi: 10.17759/exppsy.2019120211.
35. Overdale S., Gardner D. Social Support and Coping Adaptability in Initial Military Training. *Military Psychology*, 2012, vol. 24 (3), pp. 312-330, DOI: 10.1080/08995605.2012.678243.

Информация об авторах
Большунова Наталья Яковлевна
(Россия, Новосибирск)

Профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры военной педагогики и психологии, Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: nat_bolshunova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8826-1499

Спирин Александр Викторович
(Россия, Москва)

Кандидат психологических наук, заместитель начальника отдела планирования, анализа и контроля управления организации и планирования кадрового обеспечения
Главное управление кадров Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: spirin-77@inbox.ru
ORCID ID: 0000-0003-3112-5298

Померлян Александр Николаевич
(Россия, Новосибирск)

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника военного института Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: pomerlyan_nvi@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-4297-5706

Федоришин Михаил Иванович
(Россия, Новосибирск)

Адъюнкт адъюнктуры (очного и заочного) обучения Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: maskarad14@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-5509-0486

Андронов Артем Викторович
(Россия, Новосибирск)

Старший преподаватель кафедры математики и информатики
Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: andronovav@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-2730-8553

Чапоргин Андрей Геннадьевич
(Россия, Новосибирск)

Заместитель начальника курсов повышения квалификации офицерского состава факультета (ССпН)
Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: a.chaporgin@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-1756-7682

Information about the authors
Natalia Ya. Bolshunova
(Russia, Novosibirsk)

Professor, Doctor of psychological Sciences, Professor of the Department of military pedagogy and psychology Novosibirsk military Institute named after General of the army I. K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation
E-mail: nat_bolshunova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8826-1499

Alexander V. Spirin
(Russia, Moscow)

PhD in Psychological Sciences, Deputy head of the Department of planning, analysis and control of the Department of organization and planning of personnel support
Main personnel Department of the Federal service of the national guard of the Russian Federation
E-mail: spirin-77@inbox.ru
ORCID ID: 0000-0003-3112-5298

Alexander N. Pomerlyan
(Russia, Novosibirsk)

PhD in Legal Sciences, Associate Professor, Deputy head of the military Institute
Novosibirsk military Institute named after General of the army I. K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation
E-mail: pomerlyan_nvi@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-4297-5706

Mikhail I. Fedoryshyn
(Russia, Novosibirsk)

Adjunct of adjunct (full-time and part-time) training, Novosibirsk military Institute named after General of the army I. K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation
E-mail: maskarad14@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-5509-0486

Artem V. Andronov
(Russia, Novosibirsk)

Senior lecturer of the Department of mathematics and computer science
Novosibirsk military Institute named after General of the army I. K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation.
E-mail: andronovav@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-2730-8553

Andrey G. Chaporgin
(Russia, Novosibirsk)

Deputy head of advanced training courses for officers of the faculty
Novosibirsk military Institute named after General of the army I. K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation
E-mail: a.chaporgin@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-1756-7682